

**АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А.А.ПОТЕБНИ**

На правах рукописи

ГРИЦЕНКО Павел Ефимович

**АРЕАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
ЛЕКСИКИ**

**Специальность: 10.02.02 - языки народов СССР
(украинский язык)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Киев 1990

Работа выполнена в Институте языковедения им. А.А.Потебни АН УССР

Официальные оппоненты: *доктор филологических наук,
профессор, академик АН БССР
Н.В.БИРИЛЛО*

*доктор филологических наук,
член-корреспондент АН УССР
В.В.НИМЧУК*

*доктор филологических наук
Я.В.ЗАКРЕВСКАЯ*

Ведущая организация - *Институт славяноведения и балканистики АН СССР*

Защита состоится 28 ноября 1990 г. в 10 часов на заседании специализированного совета (шифр Д 016.28.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языковедения им. А.А.Потебни АН УССР (252001, Киев, ул.Кирова, 4).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языковедения им. А.А.Потебни АН УССР.

Автореферат разослан 17 октября 1990 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

Н.И.ОЗЕРОВА

Актуальность исследования. Лексика народных говоров, несмотря на значительный эвристический потенциал – сохранение большой по объему и непреходящей по значимости информации как для языкознания, так и смежных наук этнологического цикла, – по-прежнему остается недостаточно изученной областью славянской диалектологии. Если звуковой строй, грамматическая система диалектов, сохраняя в гносеологическом плане тесные связи с историей языка, все же обрели статус отдельного самостоятельного объекта описательной и исторической диалектологии со своими задачами, приемами исследования, то лексический состав говоров продолжает осмысливаться преимущественно в прикладном аспекте, как источник дополнительной информации при изучении эволюции словарного фонда языка, этимологии, изредка – для решения отдельных вопросов теории номинации, дериватологии. Показательны в этом плане отсутствие разделов, посвященных лексике и семантике, в ряде обобщающих курсов диалектологии отдельных славянских языков или представление всей проблематики диалектной лексикологии и семасиологии в виде небольших и бессистемных перечней так называемых лексических и семантических диалектизмов, а также неудовлетворительная репрезентация лексики в славянских национальных лингвистических атласах. Вместе с тем создание лингвистических атласов, опыт картографирования отдельных лексем и значений, а также традиции лингвогеографической разработки проблем других структурных уровней славянских диалектных языков вскрыли новые грани диалектной лексики как объекта исследования, сформировали элементы пространственного лингвистического мышления – способность видеть единицы диалектного языка не просто локализованными в языковом пространстве, а прежде всего во взаимосвязи языковых единиц в пределах отдельно взятой частной диалектной системы (ЧДС) и в диалектном континууме.

Констатация типов диалектных различий в области лексики, классификация материала по этим типам как разновидность анализа диалектной лексики постепенно уступает место изучению причин возникновения лексической и семантической дифференциации говоров. В частности, исследовалось влияние различных внеязыковых факторов на формирование оппозиции ЧДС на лексическом и семантическом уровнях (труды И. Дзендзелевского, А. Габовштяка, Я. Закревской, Ф. Михалка, Э. Мораховской, Ф. Чижовского, Я. Майовой и др.). Однако внутриязыко-

вая обусловленность изменений диалектной лексики - динамика формальной, семантической структур слова, их типология, а также взаимосвязь между варьированием внешней формы и изменением семантики - в славистике еще не была объектом специального всестороннего исследования. Вместе с тем именно определение внутрдиалектных причин, направлений динамики лексики в пределах ЧДС и, как следствие - и в ареальном контексте, во многих случаях дает возможность ответить на вопросы: как сформировался набор соотносительных лексических и семантических явлений, покрывающих диалектный континуум; какие процессы обусловили появление изоглосс, изосем и какова их природа, временная отнесенность.

Актуальность исследования проблем варьирования, динамики лексики народных говоров обусловлена:

а) отсутствием комплексного исследования варьирования лексики украинских диалектов, недостаточным вниманием к внутриязыковым факторам этих изменений;

б) необходимостью систематизации данных о характере изменений формальной и семантической структур диалектной лексики, разработки приемов верификации результатов ее динамики, их картографической репрезентации;

в) целесообразностью проверки ряда положений об ареалогической ценности лексики и семантики в связи с их динамикой.

Целью работы является комплексное исследование варьирования лексики украинского диалектного языка, его зависимости от внутря-, внешне- и внеязыковых факторов. В соответствии с этим в работе решаются следующие задачи:

- 1) определить тенденции лексической дифференциации говоров;
- 2) исследовать причины изменений формы и значения диалектного слова в отдельных ЧДС и в диалектном континууме;
- 3) изучить направления варьирования формальной и семантической структур слова, варьирование номинации той же реалии в различных ЧДС; исследовать интенсивность и взаимосвязь различных изменений, их влияние на формирование противопоставленности ЧДС на уровне лексики и семантики;
- 4) рассмотреть приемы верификации динамики лексики говоров, возможность использования с этой целью общеславянского диалектного контекста;

5) осуществить картографирование лексики и семантики с учетом их варьирования.

Материалом исследования послужила украинская диалектная лексика во всем многообразии проявлений в говорах, зафиксированная в опубликованных и рукописных источниках по украинскому языку (словарях, атласах, сборниках текстов, специальных диалектологических издательствах, картотеках к Атласу украинского языка, Лексическому атласу украинского языка, Общеславянскому лингвистическому атласу, полевых записях автора), а также соответствующие материалы по другим славянским языкам.

Методологической основой диссертации являются принципы системности и историзма, предполагающие исследование явления в связи с другими однородными и сопредельными явлениями с учетом не только их синхронного состояния, но и диахронии. Поставленные в диссертации задачи определили совокупность применяемых методов: описательного, сопоставительно-типологического, сравнительно-исторического, лингвогеографического.

Научная новизна работы состоит в том, что она является первым в украинском языковедении исследованием соотносительных диалектных явлений в области лексики и семантики не только в ареальной противопоставленности, оппозитивности, но прежде всего в их взаимосвязях и взаимозависимости как результатов единого процесса развития диалектного языка. Впервые динамика формальной структуры и значения диалектного слова изучается с учетом различных факторов этих изменений. В результате исследования:

1) обоснована целесообразность перехода от статике к динамике в оценке диалектных явлений; не отвергая понятий оппозиция, противопоставление ЧДС по отдельным языковым признакам, предложено понятие ареального конкорданса, позволяющего оценивать картографированные явления как элементы текста, отсюда - предложен анализ диалектных данных в контексте не только их дифференциации, противопоставленности, но и динамики внутри ЧДС, междиалектного взаимодействия;

2) подтверждена и продемонстрирована с помощью лингвистических карт ареалогическая ценность диалектной лексики и семантики;

3) определены направления, репертуар формальных изменений диалектного слова, тенденции семантической вариативности лексики,

их глубина и влияние на дифференциацию говоров;

4) отмечено наличие взаимодетерминизма различных формальных изменений, зеркальность многих из них; впервые определен репертуар консонантных мен в украинских говорах в связи с формальной вариативностью слова; описан механизм лексического субституирования и его роль в динамике ареальных отношений;

5) подчеркнута необходимость и продемонстрирована эвристическая значимость верификации вариативности украинского диалектного языка на общеславянском фоне.

Научное значение исследования и сферы его практического применения определяются прежде всего тем, что диссертация является теоретической основой создаваемого Лексического атласа украинского языка; в работе предложены новые типы карт, аналоги которых будут создаваться в Лексическом атласе. Результаты исследования важны для решения ряда вопросов теоретического языкознания: ареальной вариативности языка, его диалектного членения, а также могут быть использованы при написании обобщающих трудов по диалектологии, истории украинского языка, в практике преподавания вузовских лингвистических курсов.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании отдела теории и истории украинского языка Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР. Отдельные положения исследования излагались в докладах на X Международном съезде славистов (София, 1988 г.), I Конгрессе Международной Ассоциации Украинистов (Киев, 1990 г.), международных, всесоюзных и республиканских научных конференциях: в Еялбжеге, ПНР (1989 г.), в Москве (1983, 1984 и 1989 гг.), Ленинграде (1988 г.), Гомеле (1985 г.), Риге (1990 г.), Минске (1990 г.), Днепрпетровске (1988 г.), Одессе (1987 г.), Ужгороде (1982 и 1989 гг.), Житомире (1983 г.) и др. По теме реферируемой работы опубликовано две монографии, статьи, тезисы общим объемом более 50 н.л. (см. список публикаций).

На защиту выносятся следующие положения:

I. Ареальная лексическая оппозиция представляет собой результат наложения глубинных отличий формальной и семантической структур слова и менее существенных факультативных дифференцирующих признаков. Диалектный язык, в том числе и лексика, статична лишь в едино-

временном срезе при исследовании, представляя на самом деле сочетание устойчивых и динамичных, вариативных элементов системы.

2. Динамика диалектного слова является частным проявлением общего свойства языка - вариативности его структуры; на уровне диалектной лексики этот процесс охватывает сферу номинации, формальную и семантическую структуры лексемы. Изменения различных сегментов формы и значения слова по-разному отражаются на дальнейшей судьбе диалектного слова, на ареальном противопоставлении ЧДС, глубине этого противопоставления. Поэтому познание диалектной дифференциации языка должно базироваться прежде всего на всестороннем исследовании генезиса и динамики явлений в отдельных ЧДС.

3. В различных ЧДС изменения охватывают неодинаковые сегменты того же слова, оказываются первичными или вторичными, возникшими на базе предшествующих изменений. Типология трансформаций, их география позволяют с высокой степенью вероятности моделировать этапы и направления изменений, определять их причины, последовательность и взаимосвязь.

4. Изменения формальной структуры лексемы неодинаково отражаются на дальнейшей судьбе ареальной оппозиции, дифференциации ЧДС:

- акцентные изменения существенно не влияют на формальную структуру слова, не обуславливают его дальнейших трансформаций;
- изменения звукового (фонемного) состава в пределах постоянной или динамической длины слова (особенно менее типичные для ЧДС) разрушают исходную целостность лексемы, детерминируют появление структурно отдаленных трансформ, гомогенность которых с исходной формой нередко требует доказательств. Звуковые изменения многоплановы, разнонаправлены; их различные типы взаимосвязаны, часто зеркальны. Для многих так называемых нерегулярных, лексикализованных звуковых субституций отмечены надежные инославянские соответствия, что указывает на закономерный характер их возникновения в украинском диалектном языке;

- вариативность морфемной структуры осуществляется прежде всего вследствие реализации значительного по объему морфемного потенциала диалектного языка, синонимики аффиксов. Изменения морфемной структуры слова зачастую не изоморфны динамике семантики: при стабильности значения наблюдается ссоединение в структуре лексемы нескольких аффиксов; одновременно одна и та же внешняя форма слова

сотносима в различных ЧДС с неодинаковой семантической структурой. Более динамичными в морфемном отношении оказываются лексемы, в семантике которых ощутимы оценочные коннотации.

5. Пределом формального варьирования слова является установление новых связей внешней структуры с семантикой, которые обуславливают переход лексемы из одной лексико-семантической парадигмы в другую, создают предпосылки лексического субституирования. Лексическая субституция завершает дивергенцию исходно гомогенной структуры, переход от лексико-семантического варианта к новой лексеме, сигнализирует о возникновении новой ареальной оппозиции.

6. Сложная дифференциация говоров на уровне номинации, формальной структуры лексемы в плане мотивации, элементов формальной, семантической структур часто сопряжена с наличием интегральных признаков ареальных оппозитов. Наложение дифференциальных и интегральных признаков соотносимых диалектных явлений в области лексики сигнализирует о колебании глубины противопоставления ЧДС, и как следствие - обуславливает перемещение внимания в диалектологических и лингвогеографических исследованиях с фиксации застывшей оппозиции на взаимодействие, взаимообусловленность ареальных оппозитов, их внутреннюю динамику.

7. Лингвистическое картографирование, широкий общеславянский контекст являются надежным средством верификации явлений украинского диалектного языка, в частности и таких, которые оцениваются как нерегулярные явления, локализмы. Наличие надежных соответствий таким явлениям в дистантных инославянских диалектных зонах свидетельствует о закономерном характере их возникновения в украинских диалектах, побуждает к пересмотру ряда существующих положений славянского глоттогенеза.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести разделов, заключения и приложений, включающих таблицы, 22 карты и комментарии к ним, списки сокращений, источников, библиографию.

Во введении рассматриваются современное состояние, проблематика, направления исследований лексики народных говоров, ее лингвогеографическое изучение, вскрываются существующие в науке противоречия в определении причин динамики, в оценке ареалогической ценности диалектной лексики и семантики, а также обосновывается ак-

туальность темы, формулируются цели и задачи работы, определяются источники, методы исследования, новизна диссертация, излагаются основные положения, выносимые на задиту.

Первый раздел "География диалектной лексики и семантики" посвящен анализу пространственных характеристик лексических и семантических явлений, специфике их отражения лингвистическими картами, существующим приемам верификации результатов картографирования. Отмечается, что пространственная характеристика диалектного материала часто присутствует в описательных и лексикографических трудах, в которых географические характеристики могут быть реализованы путем соотношения репрезентируемого материала как с отдельной ЧДС, так и с более широкими диалектными, географическими или административными единицами. Однако только лингвистическая карта дает точное представление о географии конкретного явления, его сосуществовании в лингвистическом пространстве с другими единицами диалектного языка. При соблюдении ряда условий - наличии достаточного и надежного исходного языкового материала, правильном выборе концепции его картографического представления - лингвистическая карта перестает быть лишь формой репрезентации и простой иллюстрацией географического распределения материала. С помощью и только на основании конкретных карт возможна постановка проблем: чем обусловлен репертуар отраженных на карте относительных явлений, каково их пространственное сорасположение и чем оно обусловлено. Решение этих вопросов способно вскрыть причины и направления эволюции единиц диалектного языка, их варьирование в ЧДС и диалектном континенте в целом.

Интерпретация лингвистических карт показывает наличие взаимосвязей между историей явления и его географией, несводимость всего многообразия к так называемым ареальным нормам. Точность интерпретации диалектных данных зависит от полноты их картографического отражения, которое коррелирует с рядом гносеологических и онтологических факторов, в частности: конкретными целями картографирования, особенностями структуры вопросника и полноты репрезентируемого материала, традициями лингвогеографической школы в плане техники картографирования, а также характером самого материала. Анализ задач картографирования, сформулированных в известных ныне славянских атласах, свидетельствует о том, что в атласах ставятся как

решаемые, так и не решаемые картографическими методами задачи (последнее можно отнести к рудиментам изначальных представлений о целях, эвристическом потенциале картографирования). Отмечается также наличие в современной лингвогеографии устоявшихся стереотипов, среди которых широкое распространение получило определение ареалогической ценности отдельных структурных уровней: наиболее высокая ареалогическая значимость приписывается фонетическому (фонологическому) уровню, меньшие значимости - соответственно по нисходящей - грамматическому, лексическому, синтаксическому и стилистическому уровням¹.

Исследование географии единиц диалектного языка должно включать не только наличие и характер изоглосс, ареалов, но и взаимное сорасположение в лингвистическом пространстве соотносительных явлений, их ареальный конкорданс. Последнее вскрывает ареальное окружение явления, дает возможность установить реальные (или потенциальные) междиалектные связи, линии междиалектного взаимодействия, что не возможно вне лингвистической карты. Анализ результатов лингвокартографирования, представленных в славянских лингвистических атласах, в том числе и в Атласе украинского языка (в 3-х томах), убеждает в том, что репертуар, пространственное сорасположение ареальных оппозиций не хаотичны, а подчинены определенным связям, напоминающим парадигматические, хотя и без выраженного жесткого детерминизма. Картографированное явление в конкретной точке диалектного континуума может рассматриваться не только как элемент отдельной ЧДС, но и как компонент многосторонних пространственных отношений, в частности отношений единства, противопоставления, производности. Зачастую лексемы, характеризующиеся пространственной близостью, оказываются близкими или производными формально или/и семантически, что обуславливает актуализацию исследования междиалектных связей, вариативности в ареальном аспекте.

В т о р о й раздел "Структура ареального лексического противопоставления" представляет существующие в современной диалектологии различия в подходах к явлениям диалектной лексики и семантики. Один из них сформировался на базе сопоставления различающихся идиомов - диалектного и литературного языков и оперирует понятием

-----
¹ Взаимодействие лингвистических ареалов - Л., 1980. - С. 8.

диалектизма (с делением на собственно лексические, лексико-словообразовательные, фонематические и семантические диалектизмы¹); другой - под влиянием идей и практики лингвогеографии и оперирует понятием соответственного диалектного явления². Следствие первого подхода - исключение из круга диалектных явлений лексики, отражающей специфическую материальную культуру региона, а также лексики, не имеющей ограниченной территории распространения (Ф.П. Филин). Оценка ЧДС как системы, а диалектного языка как системы систем делает избыточными любые ограничения при отнесении языковых единиц к диалектным, так как к последним относится любой структурный элемент ЧДС.

Различия формальной (или семантической) структуры лексемы, описываемые как ареалогически сопоставимые, могут быть представлены как элементы вариативных рядов или гнезд с указанием всех отмеченных в говорах вариантов. Такая репрезентация диалектных явлений способствует предварительной классификации материала, определению репертуара формальных (или семантических) вариантов; в отдельных случаях такое представление материала позволяет в общих чертах определить направления варьирования. Однако нередки случаи совпадения в одном результате - словформе, значении - различных по характеру, направленности изменений; в отдаленных диалектных зонах одинаковые трансформы могут быть следствием различных процессов. Поэтому только с помощью лингвистической карты (особенно с достаточно густой сеткой картографируемых ЧДС и густой "тематической сеткой" обследования говоров, приближающей предкартографические записи к отражению ЧДС как системы) можно определить конкретные причины и направления динамики диалектных явлений.

Лингвистическая карта представляет картографируемые элементы диалектного языка не только в их конкретной отнесенности к географическому пространству, но и к пространству лингвальному - определенной локальной разновидности диалектного языка, а также дает четкие количественные характеристики соотносительных явлений, век-

---

¹ Русская диалектология / Под ред. Н.А.Мещерского. - М., 1972. - С. 262-264; Русская диалектология / Под ред. В.В.Колесова. - Л., 1990. - С. 172.

² Вопросы теории лингвистической географии. - М., 1962.

тор связей (реальных или потенциальных) каждого отдельно взятого элемента ареального противопоставления в любой из точек диалектного континуума, напр.: в центральноукраинской диалектной зоне ареал лексемы к'лун'а 'постройка для снопов' граничит с ареалами других

репрезентантов:

к'лун'а → тік (турк)
→ сто'дола
→ гумно (гум'но)
→ пун'а.

Однако в различных микроразонах эти междиалектные связи/смежности ареальных оппозиций неодинаковы; в частности в среднеподнепровском и смежном говорах -

к'лун'а → тік
→ сто'дола,

в восточнополесском -

к'лун'а → пун'а
→ гумно (гум'но)
→ сто'дола.

в среднеполесском -

к'лун'а → тік
→ сто'дола
→ гум'но.

При этом ни в одной из микроразонов не отмечены связи

сто'дола → пун'а
→ гум'но   или   пун'а → тік
→ сто'дола.

Такие различия векторов связей междиалектных лексических соответствий внешне малоинформативны. Однако рассмотрение множества частных случаев бытования трансформ - их географии, условий возникновения, особенностей функционирования (напр.: лексема ос'т'їл'ник 'скатерть' вместо типичной формы нас'т'їл'ник, нас'т'їл'ниц'а отмечена как дублет к об'рус, 'обрус, ~ок 'то же'; лексема під'шода 'строение для сельскохозяйственного инвентаря' зафиксирована в зоне контакта ареалов 'шода и під'дах 'то же' и др.) убеждает в объясняющей силе построения таких векторов связей, установления ареального конкорданса картографируемых явлений.

Надежным аргументом в системе оценок явлений как типичных или окказиональных являются их количественные характеристики: резкое различие частот появления на лингвистической карте лексем-оппозиций или их формальных/семантических вариантов также соотносими с неодинаковыми их историческими судьбами.

Каждый из указанных типов информации, объединенных лингвистической картой, имеет определенную объяснительную силу; учет различной лингвогеографической информации, - с одной стороны, и моделей динамики языковых явлений во времени, сформированных на основе свидетельств диалектов и памятников письменности, - с другой стороны, создает предпосылки надежной верификации развития диалектных явлений во времени и пространстве.

Вместе с тем лингвистическая карта, особенно та, которая исполнена в значковой (а не написательной) технике, набором отличающихся знаков, даже если это модификация инвариантного знака, создает иллюзию глубоких противопоставлений ЧДС. Сопоставление диалектных систем, последовательный анализ отличий между ними вскрывают различную глубину оппозиции ЧДС. Частичная интеграция (нейтрализация) противопоставленных по ряду признаков говоров наблюдается в случаях: а) когда дублетами в одной из сопоставляемых ЧДС являются ареальные оппозиции; б) когда в структуре разнокорневых ареальных оппозиций отмечены общие словобразовательные аффиксы; в) разнообразием скрытой интеграции является наличие ряда общих черт в семантико-деривационных комплексах, к которым восходят междиалектные соответствия - при различии формальных средств выражения общими оказываются мотивы номинации, репертуар значений и связи представлений, закрепившиеся за основами/лексемами - ареальными оппозициями.

Третий раздел "Формальное варьирование слова" представляет анализ различных изменений формальной структуры слова в диалектном языке, синтез наблюдений над закономерностями эволюции внешней структуры диалектного слова. Анализ осуществлен на различных уровнях: акцентуации, звукового и морфемного состава слова.

Отмечено, что формальное варьирование диалектного слова - изменение его внешней структуры в отдельной ЧДС и, соответственно, в ареальной проекции, носит массовый характер, является полинаправленным, беспрерывным; любой моментальный срез, осуществляемый исследователями, представляет собой условно статичную модель динамичного объекта изучения. Одна и та же исходная форма слова в различных ЧДС подвержена неодинаковым изменениям - динамичными оказываются разные сегменты формальной структуры: ударение, фонемная, морфемная структуры. Роль этих изменений в дальнейшей судьбе

диалектного слова неодинакова.

Ударение как суперсегментный признак структуры слова оказывается релевантным при типологическом исследовании диалектов — не только при определении типов ударенного и безударного вокализма, но и как самостоятельный объект изучения; акцентные изоглоссы широко используются при определении границ единиц диалектного членения украинского языка. Однако различие акцентных характеристик слова, их изменение не влияют на дальнейшую судьбу диалектного слова; не отмечено случаев, когда дубленность, свободное варьирование ударения существенно повлияло бы на лексическую дифференциацию на дальнейшее разрушение исходной формальной и семантической целостности лексемы. Если с ударением и связываются звуковые изменения, динамика ритмической структуры слова, то все же дальнейшие изменения формальной структуры, как правило, детерминированы не столько динамикой ударения, сколько комплексом факторов, среди которых более весомым оказывается характер изменяемого звука, его окружение в речевом потоке.

Сложной и многоплановой является динамика фонемного (звук(ов)ого) состава слова: в одних и тех же фонологических условиях вместо одной фонемы (звука) в различных ЧДС отмечаются неодинаковые фонемы (звуки). Среди фонем украинского диалектного языка не оказалось ни одной, которая не была бы подвержена субституированию. Репертуар фонем, оцениваемых как междиалектные соответствия, оказался далеко выходящим за рамки представлений об альтернантах, чередованиях, сформировавшихся преимущественно на базе свидетельств памятников письменности. Перечень субститутивных мен (вместе с альтернантами) охватывает 200 типов.

Функционально соотносимыми могут быть звук (гевр.: фонема) : звук, звук : сочетание звуков, звук : нуль звука. При рассмотрении звуковых изменений внимание сконцентрировано не столько на чередованиях (когда видоизмененная форма "в одних отношениях напоминает другую известную форму, а в других отличается от нее" (Л.Блумфилд), при которых в ЧДС, как правило, сосуществуют исходная и измененная словоформы), сколько на нечередующихся однонаправленных заменах, способных разрушать связь с исходной словоформой. Односторонние субституции и двусторонние чередования не разделены непродолимыми границами: отмечено, что характер однонаправленных субститутивных

замещения обусловлен типичными моделями морфологических изменений слова. Нередко однонаправленные субституции можно квалифицировать как реализацию типичных моделей в нетипичных условиях.

По частоте фиксации в диалектах фонетические субституты условно можно разделить на высокочастотные и редковстречающиеся; так, напр., к высокочастотным субститутам /в/ можно отнести /д/, /н/, /г/, /ф/, /х/, а к редкофиксируемым заменам /в/ → /г/, /н/, /н'/, /м/, /р/, /б/, /ц/, /к/, /ш/. За каждым из субститутов стоят сложные процессы; не одинаковы их временная отнесенность, условия возникновения, география. Поэтому каждая из таких замен должна стать объектом специального фонологического исследования; точное определение условий и характера звуковых (геогр.: фонемных) замещений возможно только при достаточной информации о фонологических системах ЧЭС, а также о ближайшем ареальном контексте. При этом лишены доказательной силы попытки определения субститутов, их характера (как и явлений лексикализации фонетических изменений в целом) на основе сопоставления данных диалектов и литературного языка; не всегда достаточно надежны и сопоставления свидетельств современных говоров с соответствующими праславянскими или древнерусскими протоформами, так как между более древним состоянием и современной диалектной формой часто были промежуточные формы, послужившие непосредственной базой для возникновения современных трансформ.

Редковстречаемые фонетические изменения обуславливают более глубокие изменения внешней структуры слова, нежели приближающиеся к чередованным высокочастотные субституты; они способствуют значительному расхождению условно исходной и производной форм, напр.: ба¹бу¹н¹а 'бабушка' > ма¹бу¹н¹а, гра¹б¹ки 'деталь косы' > гра¹й¹ки, 'бубен' > 'дубен', по¹д¹г 'окошенная трава' > по¹д¹й, пруд¹ло 'петля для лова зверей' > пруд¹ло, гоч¹кур 'ремень' > соч¹кур, ган¹-рона 'гангрона' > ган¹р¹она, гра¹гар 'сволок в доме' > дра¹гар, г¹радел¹ 'деталь плуга' > г¹разел¹, чад¹ 'утар' > чад¹, гризота 'печаль' > гризота, с¹тило 'стойло' > с¹тило, 'сукне' 'ткань' > 'сумне', 'кол'за 'растение кольза' > 'вол'за, лавчина 'лавка, скамья' > гавчина, ш¹чебел¹ 'перекладная' > ш¹чебет, 'фура' 'равновидность телеги' > 'дура, 'рептух' 'приспособление для кормления лошадей в дороге' > 'рептух и др.

В том, что такие изменения не случайны, убеждает их фиксация

в различных ЧДС, отражение таких трансформ в различных диалектологических источниках. Особое значение для осмысления нерегулярных фонетических замещений приобретают свидетельства других славянских диалектных языков, в которых отмечаются те же мена в одинаковых или близких фонологических условиях, напр.: характерна для части западноукраинских диалектов (посаянского, лемковского, поднестровского, закарпатского) мена /в/ > /х/ прежде всего в позиции начала слова (приставка, предлог) имеет надежные соответствия в русских говорах к востоку от Москвы, микроареалами в северных, северо-западных и южных¹, в польских центрально- и восточномазовецких², словацких северо-западных диалектах³, восточнословенской диалектной зоне, продолжающейся в кайкавских говорах⁴; мена /х/ > /к/ отмечена также в македонских (Б. Видоески), а /в/ > /п/ - и в словенских диалектах⁵ и др. Такие дистантные украинско-инославянские параллели в развитии формальной структуры диалектного слова, о репертуаре и географии которых пока нет сколько-нибудь достаточной информации, имеют не только особое значение в системе доказательств закономерного/незакономерного возникновения таких субституций в украинском языке; они отражают более древнее состояние славянских диалектов, поэтому могут служить основой для постановки более общих проблем славянского диалектогенеза, структуры и диалектной дифференциации праславянского языка.

Кроме субституирования изменения формальной структуры в пределах постянной длины слова могут быть обусловлены метатезой, кото-

¹ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. - М., 1957, карта 51, коммент. с. 575-577; Диалектологический атлас русского языка. Фонетика. - М., 1986, карта 57.

² Mały atlas gwar polskich. - Wrocław etc., mapa 377.

³ Atlas slovenského jazyka. Fonetika. - Bratislava, 1968, mapa 233.

⁴ Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenskih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. - Sarajevo, 1981, s. 137, 154, 318, 322, 330.

⁵ Id., s. 53, 130.

рая отмечена не только в иноязычных заимствованиях, но и в исконной лексике, напр.: нога'виц'і 'брюки' > гана'виц'і, 'жигарка'крапива' > 'гикавка и др.; разновидности метатезы представляют изменения групп с вторичным /й/ (ш'іст' 'шесть' > шй'іст' > шй'іст').

Разнообразные изменения формальной структуры при динамичной длине слова сводимы к двум типам: появление неэтимологических элементов слова и утрата этимологических компонентов лексем. Роль таких формальных изменений в дальнейшей судьбе слова также неодинакова. Так, напр., появление протетических, имеющих, как правило, массовый характер в диалектах, почти не отражается на последующих формальных превращениях лексемы; особенно четко это видно на дальнейшей судьбе трансформ с типичными для украинского диалектного языка протезами /в/, /г/, /й/. хотя появление менее распространенных консонантов в функции прикрытия вокального анлаута (как анда-'рак' > анда'рак) способно послужить толчком к дальнейшей дивергенции исходной и новой форм. В отдельных случаях и при типичных протезах продолжают формальные превращения начала слова, так как сами протетические могут подвергаться субституированию, сравн.: 'вож'ух 'деревянная кочерга' > 'вож'ух > 'хож'ух, вож'гач 'то же' > пож'гач; очевидно, как следствие типичных для ряда диалектов мен /в/ > /д/, /г/ > /л/, /й/ > /л'/ появились вторичные протетические /л/, /л'/: окація' акация' > локація, йіні'/гіній' 'иной' > ліній и др. Массовый характер в украинских диалектах имеет появление неэтимологических согласных перед начальными согласными слова (типа лем' бити 'щипать траву (о животных)' > блем'бати, ол'у́ска 'кофта' > вол'у́ска, 'руб'лик 'валек' > г'рублик, моєтв'ец' > г'мертв'ец, воля' 'свобода' > зв'оля, коб'лик 'разновидность рыбы' > ск'облик, 'тибел' 'деревянный гвоздь' > ш'тибел' и др.). Структурно близки к последним трансформы с эксплозивами (закарпатский диалект): джума'ра 'шкарпка' > дджума'ра, ти' тебе' > тти'^I, а также формы с элизией вокала р предложных конструкциях до дб'ліній 'визз' > ддб'ліній.

Начальную структуру слова зачастую изменяет появление неэтимологических гласных, которые нередко провоцируют следующее изменение - протезирование вокального анлаута: 'ком'ин 'дымоход' > о'комин >

---

^I Типологической параллелью могут служить трансформы в западнославянских диалектах басс. р. Ваг: кажа' > каџа', таџо' > таџо', уо'џа > уоџа' и др.

во/вукомин, имжа 'мелкий дождик', 'густой туман' > имжа > гисжа, гимз 'ачка, брови', обрви 'брови' > обирви > вб'берви.

Появление неэтимологических консонантов и вокалов в позиции середины слова также широко известно в украинских диалектах; репертуар вставных звуков середины слова охватывает все вокалы и ряд консонантов - /б/, /в/, /м/, /п/, /н/, /н'/, /л/, /л'/, /р/, /й/, /д/, /т/, /т'/, /г/, /к/, /х/, /ч/, /ш/, напр.: де'рун 'колючая рыба' > дер'гун, наго'рода 'награда' > налго'рода, шку'рат 'старая обувь' > шкур'лат > шкурт'лат, 'шопа 'навес' > 'шопса, нето'пир 'летучая мышь' > недох'пир и др. Вставные вокалы трансформируют и слоговую структуру слова: 'морква 'морковь' > 'моркава, пал'то > палі'та, б'їл'ник 'улей' > по'їл'ник; изредка отмечены случаи "раззорачивания" одного вокала в новое звуко сочетание, что заметно видоизменяет внешнюю структуру лексемы, напр.: пачоски 'рыльца кукурузы' > пачивубски, 'ш'апка > 'ш'епка > ш'їепка > шп'їенка, д'ател > (д'їател) > де'їател и др.

Появление неэтимологических консонантов в конце слова отмечено крайне редко; это /д/, /т/ - колодіс 'колодец' > колодіст, пльофон 'општукатуренный потолок' > пльофонд, пльофонт.

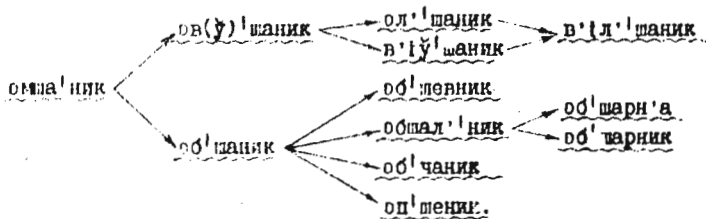
Отдельные трансформы представляют собой контаминированные или переходные формы, напр.: на фоне типичных для ряда украинских диалектов изменений /ф/ > /хв/ отмечены не только варианты с /ф'/, /хв'/, но и с /фв/, /хф/ (фвартух, хфартух 'фартук'); такого же происхождения и вариант горбна 'огородное растение' при диалектном округлении горбна и формы с ассимилированным сочетанием /дн/ > /н/ - горбн'а.

Типичными для украинских диалектов изменениями формальной структуры диалектного слова являются утраты отдельных звуков или звуко сочетаний в различных сегментах слова - в начале, в середине и конце. Так, во многих диалектах спорадически утрачиваются начальные гласные /и/, /і/, /о/, /а/, нередко в сочетании с протетическими, напр.: ача'рот 'камыш' > ча'рот, іскра, гіскра, йі(й)скра 'искра' > скра, (в)б'гон > гон, вобруч, гббруч 'обруч' > бруч. Репертуар начальных консонантов, утрачивавшихся в украинских диалектах, охватывает: /в/, /г/, /г'/, /д/, /й/, /к/, /л/, /м/, /п/, /р/, /с/, /т/, /х/; в середине слова могут утрачиваться /в/, /г/, /д', /й/, /к/, /л/, /л', /м/, /н/, /п/, /р/, /т/, /х/, /ш/; значительно уже ре-

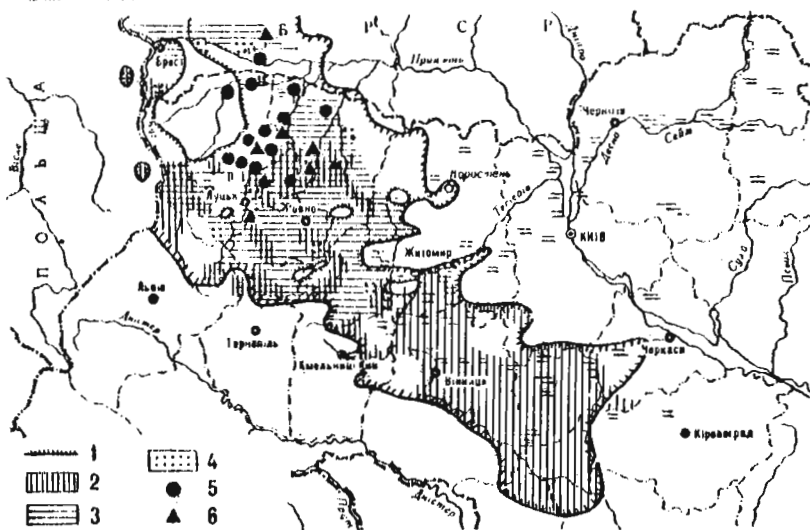
пертуар соответствующих конечных согласных: /г/, /ж/, /к/, /м/, /т/, /т'/, /х/, сравн.: костриж 'окунь' > о́стриж, (г)днѣс 'сегодня' > днѣс, ложица 'ложка' > ложица, жица, поструг 'форель' > струг, хвѣст > вѣст; слиза 'слеза' > слиза, кдучач 'дигель' > кучач, горнец 'чугунок' > горнец; торг > тор и др.

Существенными, на наш взгляд, являются частичное наложение репертуаров консонантов, утрачивающихся в различных сегментах слова, а также наложение (или пересечение) ареалов явлений, сигнализирующих о противоположнонаправленных изменениях: появление - утрата тех же элементов формальной структуры. Это дает возможность рассматривать также меня как взаимосвязанные, иногда - как гипотезы (см. карту № I).

Изменением одного сегмента часто не завершается динамика структуры слова. Результатом сближения в одном слове трансформаций различных его сегментов является значительная дивергенция исходной и производных форм, появление в ЧЭС таких фонетических слов, которые лишь отдаленно напоминают исходное состояние, к примеру, после ряда замен исходная форма лексемы мед'ваб 'шолк' и одна из производных гед'ван внешне значительно разошлись: мед'ваб > мед'ваб-ний > гед'вабний > ге(а)д'вабний > гед'ван, гед'ван; показательна и динамика лексемы омца'ник 'зимнее утепленное строение для ульев', производной от омцяти 'утеплять строение мхом':

Связь между исходной и производными формами (в'л'шаник, об'шар'а) настолько ослаблена, что создается предпосылка установления новых мотивационных отношений (в'л'шаник - 'в'л'ха 'дерево ольха' с возможной связью 'ольха' → 'сделанный из ольхи'), об'шар'а - об'шара 'место, занятое хозяйственными строениями' (тип возможной связи: 'место расположения' → 'реалия, расположенная на данном месте').

Карта № I. Формальные изменения начала слова в зоне /г/-протез.

I. Наличье протетического /г/ в отдельных словах: 1 - го¹рати; 2 - 'госі¹', 'гозеро, го¹вес; 3 - 'гулиц¹'а, гуж, 'гухо; 4 - 'гуса;

II. Секундарный /г/ вместо этимологического /в/: 5 - 'гим¹'а, 'гім¹'а (< 'вим¹'а);

III. Гиперическая утрата этимологического /г/: 6 - он¹чар¹', ан¹чар¹' (< го(а)нчар¹').

Примечание: на ареал о(а)н¹чар¹' в междуречья Стоход - Случь налагаются зоны трансформ о¹рох (< го¹рох), рад (< град), ра¹ниц¹'а (< гра¹ниц¹'а), ла¹дшка (< гла¹дшка), 'лечяк (< г¹лечик).

Таким образом, изменения фонемной структуры/звукового состава слова отличает полинаправленность, непрерывность, частое соединение в одном слове различных трансформаций; многие меня взаимосвязаны, образуют цепочку взаимозависимых замещений, имеют "зеркальный" характер. Комбинаторика, значительный по объему репертуар субституций, появления, утрата фонем делают диалектное слово в значительной

степени вариативным.

Морфема как целостный сегмент структуры слова также подвержена в различных диалектах изменениям. Они могут быть обусловлены как фонемными изменениями, замещениями в пределах морфем, так и вариативностью значительного по объему репертуара функционально близких/идентичных морфем в украинском диалектном языке. Одно и то же словообразовательное значение в диалектах репрезентировано различными функционально соотносительными аффиксами, что само по себе усложняет ареальную дифференцированность лексемы, создает предпосылки дальнейших формальных изменений и связанной с ними динамикой семантики, мотивационных отношений. Соотносимыми в различных ЧДС могут быть аффиксы с неодинаковым потенциальным объемом деривационных значений и обуславливающие различия коннотаций в дериватах. Динамика семантической структуры, коннотаций деривата детерминирует обновление внешней структуры лексемы, трансформацию существующих или использование новых аффиксов. Это приводит к формированию оппозиции ЧДС, с одной стороны, на уровне внешней структуры (непроизводная основа : дериват, дериват с аффиксом А : ~ В : ~ С и т.д.), с другой стороны, на семантической и коннотативной основе. Многоплановые междиалектные отношения в области морфемиики на лингвистической карте проявляются лишь частично; на первый план выходит чисто формальное противопоставление - структура слова, наличие безаффиксных, моно- и полиаффиксных производных, специфика валентности отдельных аффиксов, их репертуар, ареальное окружение. Однако причины использования в картографируемых дериватах определенных аффиксов на лингвистической карте почти не просматриваются.

Уровень дифференцированности соотносительных морфем может отражать обобщенную оценку денотата - степень его актуальности, коннотированности, напр.: если репертуар словообразовательных финалий неконнотированных (или минимально коннотированных) репрезентантов семы 'кусоч (чего-либо)' объединяет 18 аффиксов, то в структурах коннотированных наименований левни, восходящих к семантически маркированной оппозиции 'левый' : 'правый' (= 'отрицательный' : 'положительный') в украинских диалектах отмечено 47 финальных аффиксов, из которых только 9 повторены в производных от других основ (бород- 'бородатый', доб-/чод- 'лобастый', глух-/глуш- 'глуховатый', лас- 'лакомка, сладкоежка', веред- 'привередливый'), входящих в лексиче-

ские микрополе 'черты человека'. Последнее свидетельствует об относительной автономности формирования репертуаров соотносительных морфем в составе коннотированных лексем, в то время как в неконнотированных наименованиях, объединенных интегральной семемой 'поле, с которого убран урожай' (относительно ржи, пруса, гречихи, пшеницы, овса, льна, свеклы, подсолнечника, кукурузы) наблюдается парадигматизация словообразовательных структур, охват в ЧДС одной словообразовательной моделью всех или большинства дериватов семантического поля.

Лингвистическая карта в отдельных случаях указывает на направления междialeктного влияния на морфемном уровне, соответственно - на конкретный импульс динамики морфемной структуры слова, напр.: в зоне смежности семантически соотносимых дериватов с различной словообразовательной структурой наблюдается субституция словообразовательных морфем - с'тупица 'ступица колоса': кол'одка - с'тупица : кол'одца, 'обрус 'скаторть': нас'тід'ник - 'обрус : ос'тід'ник и др. При различии словообразовательных основ дериваты-визиты объединяют общие модели словопроизводства и аффиксы, сравн.: 'легкий снег на деревьях' - 'рцад', 'окид', 'окіс'т', 'омет', р'суга, 'гололад' - 'омелед', 'обледен', 'облівон' (об'ліва, обл'ваха).

Разнообразие морфемных изменений представляет контаминация формально близких или семантически тождественных/близких наименований, также отмечаемая прежде всего в зонах срасположения, взаимодействия ареалов, напр.: об'руч 'обод сита' + об'ічайка > обру'чайка, пер'гач 'летучая мышь' + миш > мишер'гач, 'райлуга 'радуга' + ве'с'олка > райве'с'олка и др.

Таким образом, динамика фонемного состава слова в соединении с вариативностью аффиксов, значительным по объему репертуаром функционально соотносительных аффиксов, а также постоянное обновление морфемной структуры на фоне как стабильной, так и частично изменяющейся семантики и коннотации лексем, обуславливают разнонаправленные трансформации внешней структуры гомогенных лексем. Каждый шаг изменений внешней формы слова углубляет противопоставление ЧДС, иногда порождая формальный разрыв между гомогенными трансформами. Последнее закономерно подводит к проблеме исдела формального варьирования: какие изменения слова порождают его лек-

сико-семантические варианты, а какие свидетельствуют уже в пользу или нового диалектного слова. Схема движения от одного слова (тождества) к другому слову (новому качеству, новому тождеству) включает несколько основных этапов: исходное слово (тождество) — вариант/варианты (развитие формальной структуры) — трансформы, сохраняющие исходные мотивационные отношения — новое слово (тождество) как результат установления новых мотивационных связей, его собственная с новым семантическим рядом; последнее может иметь потенциальный, слабо выраженный характер. Иллюстрацией приведенной схемы динамики диалектной лексики может служить трансформация названия детали косо — маленького клинка, с помощью которого прижимают косу к косяку. Типично словообразовательные аффиксы, используемые для передачи диминутивного значения (клин > клинок, клинок > клиночек, клиночки), но разрушает единство исходной и производных форм, не затрагивая мотивационных и ассоциативных связей. Однако появление немотивологической /с/ (клиночки > клискин) ослабило исходные структурные и мотивационные связи, стало импульсом дальнейших преобразований:

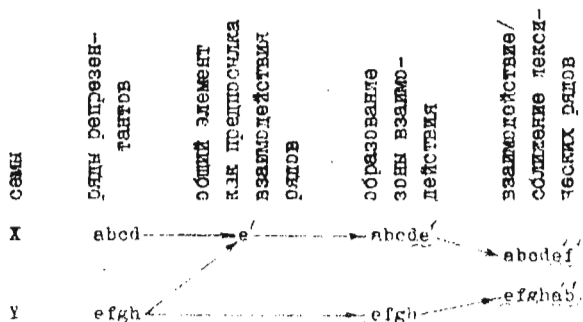
1. клис¹ляи > а) клис¹ло(а)и, клис¹лям, клис¹кри(и)и, клис¹квля,
клис¹валяи;
б) клис¹ко(и,е,а)л', клис¹ки(и,о,у)и, клис¹коя(в)ен',
клиску¹мен;
в) клис¹кляи, клис¹к, клис¹кочлии, клис¹тляи, клис¹кляи,
клис¹бляи, клис¹ыи, клис¹кыи, клис¹куи, клис¹кути,
клис¹кля, клис¹кляи;
г) клис¹кии, клис¹ко(а)и, клис¹кунок;
д) клис¹нок, клис¹с(и)и;
е) клин¹кас, кас.

В последнем звене (кас) связь с исходной формой клин утрачена полностью, вместо нее формируется новая связь: кас — касу¹ляти 'подгонять (одно к другому)'; точно так же более сильными оказались отпавшие трансформы клис¹нок (< клискин) с новым лексико-семантическим комплексом: омонимичность клис¹нок 'клинко косо' и клис¹нок 'народной сна' обуславливала лексическую субституцию клис¹нок > клис¹сиринок 'клинко' (при значении клис¹сиринок 'народной сна').

Изменение мотивационных связей, их народноэтимологическое истолкование часто базируется на незначительных внешних трансформациях, достаточных для структурного сближения трансформы с другой чок-

семей, нередко стдаленного тематического регистра, напр.: цментар 'кладбище' > смутар при смуток 'печаль'; вдм'а'к 'потепление после морозов' (< вдм'а'кати 'становиться более теплой после стужи (о погоде)') > вдм'як > вд'мак при вд'мак 'нечистая сила' и регулярности связей представлений о погоде, особенно оцениваемой отрицательно, с нечистой силой; 'сон'ашник 'подсолнух *Helianthus annuus*' > 'сон'ах > сон (при сон 'сон') > оп'д'ача (одно из значений 'продолжительный сон') и др.

Кроме субституирования лексем, обусловленного изменением внешней формы, отмечены частые замещения одной лексемой другой как следствие лексической аттракции: входя в различные тематические регистры, лексема одновременно находится в системных отношениях с несколькими лексическими рядами, что в конечном итоге приводит к перемещению лексем из одного ряда в другой:

К примеру, ряды репрезентантов трех сем 'пропуск при косьбе', 'пропуск при севе', 'пропуск при пахоте', имея интегральные семы п. соответственно, общие для трех рядов исходные лексемы - гр'а сказ. пропуск, м'нуха, в результате взаимодействия претерпели изменения: лексемы ко'за, боро'да, г'рива, г'реб'н', сто'чак, аходившие в ряд репрезентантов семы 'пропуск при косьбе', заполнили ряд репрезентантов семы 'пропуск при пахоте' (хотя в среде наименований 'пропуска при косьбе лексемы ко'за, боро'да, г'рива - вторичные номени, перенесенные из названий ритуального дожничного слога), а также 'пропуск при севе': за'д'м 'пропуск при пахоте' > 'пропуск при косьбе'. Таким же путем возникло наименование кам'н'н'я т'ятра 'скалы:

обрывистые скалы' при вертеп 'скала', 'пещере' и 'кукольный театр' и театр 'театр'.

Одной из особенностей лексических субститутов, которая реализована почти во всех исследованных случаях, является их узкоко-кальный характер, частое их сосуществование с другими номинативными единицами. Это делает субституты узнаваемыми среди трансформ других типов, что в свою очередь позволяет при необходимости реконструировать более раннее состояние диалектной лексической дифференциации диалектов.

Возникновение части лексических субститутов обусловлено табуированием именуемых реалий, понятий. Эвфемистические наименования далеко не всегда долговечны: утрата коннотации табуированности обуславливает появление новых наименований, что в итоге также приводит к дальнейшей динамике междиалектных отношений в области лексики и семантики.

Таким образом, разноплановые по характеру изменения формальной структуры диалектного слова (а при лексическом субституировании трансформ - уже выходящие за пределы исходного слова) порождают сложную многоуровневую картину ареальной лексической дифференциации, динамичные отношения ЧДС. Вместе с тем варьирование внешней структуры лексем не хаотично, как правило, не лексикализировано, а подчинено более общим моделям динамики элементов диалектного языка. Наличие устойчивых ареальных характеристик формальных вариантов, лексических субститутов, тенденций их пространственного расположения в континууме делает при необходимости возможной и надежной реконструкцию более ранних диалектных отношений, ареалов бытования утраченных элементов.

Ч е т в е р т ы й раздел "Варьирование лексической реализации семемы" посвящен проблеме соотношения формальных различий ареальных оппозитов на уровне слова как целостного знака и репрезентируемой данными оппозициями семемы. Подчеркивается, что за многообразием лексем, восходящих к различным корням/основам, которые к тому же не находятся в отношениях производности (формальной или субститутивной), зачастую стоят общие семантические комплексы, общие мотивы номинации.

При всем своем внешнем отяжении - формальной структуре, архитектонике семантики, связей с другими лексемами - ареальные оппози-

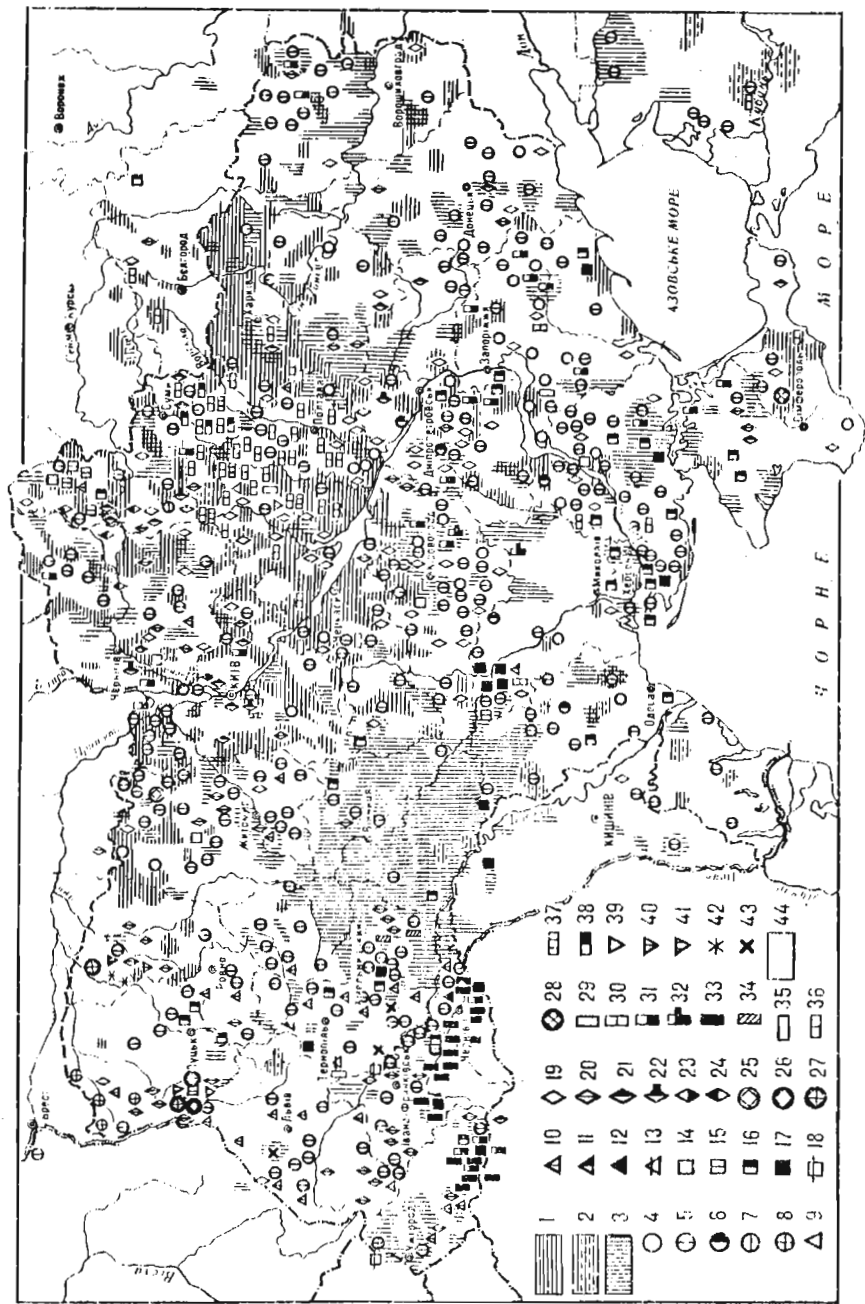
ти, к к правило, имеют ряд общих черт, а не только интегральный компонент, лежащий в основу картографирования. Степень лексической дифференцированности диалектов во многом зависит от характера семемы, которая может быть диффузной или четко структурированной, относиться к конкретной реалии или обобщенному качеству. На особенности лексической семантики наслаиваются элементы грамматико-категориального значения, однако данные славянских лингвистических атласов не дают еще достаточной информации для определения типов зависимости семантической структуры и географии лексики. На основании существующих данных можно только утверждать, что формальная дифференцированность (которая через субституирование влияет на собственно лексическую противопоставленность говоров) зависит от характера системных связей оппозитов: чем теснее семантические и деривационные связи лексем, тем стабильнее ее формальная структура; в то же время слово с семантически связными или изолированными в плане системных связей более подвержено изменениям, включая лексическую субституцию.

Диалектный континуум ареальными лексическими оппозитами покрывается неравномерно: большая часть представлена несколькими базовыми репрезентантами, остальные же репрезентанты образуют небольшие ареалы, включения в зоны распространения основных лексем, напр.: пометками по территории распространения репрезентантами семы "торчания - приспособление для первичной обработки земли, льна" в украинских диалектах являются производные от глагольных основ ¹бити, ¹терти, да¹мати, м¹дати, деризати от других десяти основ (т¹пати, т¹пати, да¹вити, ча¹вити, сік¹ти, торе¹бити, ¹доргати, до¹бити, т¹ук¹ти, ц¹р¹уцати) отмечены небольшими ареалами или спорадически. Вместе с тем все эти лексемы объединяет интегральное значение "воздействовать на объект с целью его измельчения, разделения на части; отделять одну часть от другой", что свидетельствует об отсутствии на уровне мотивации дифференциации украинских диалектов. Даже тогда, когда среди репрезентантов отмечаются демотивированные лексемы или наименования с иной мотивацией, то и тогда общая картина существенно не меняется, так как диалектный континуум оказывается разграниченным преимущественно между основными репрезентантами с единой/близкой мотивацией.

Общность мотива номинации ареальных оппозитов - явление довольно частое в украинских диалектах, напр.: основными репрезентантами

семь 'колыбель' являются производные от глаголов коли'сати (ко'лис-ка, ко'лишка), ка'чати ('качка, ка'чел'я, ка'чал'н'я, 'катка), 'гой-дати ('гойдалка, 'гойданка, гой'дал'н'я, гой'дел'я) с общей мотивом "ритмично покачивать"; значительная часть украинского континуума покрыта репрезентантами семьи 'плахта - разновидность несшитой юбки', производными от опи'нати (о'пинка, го'пинка, за'пон'я, за'па(о)н, за'пинка, при'пон, припи'начка, припи'нда), обгор'тати (об'гортка, го'бортка, гор'ботка) с интегральным мотиватором "то, чем обвивают, обворачивают" и др.

Недифференцированность мотива номинации, исходных при номинации семантических комплексов, представлений о реалиях, отраженных в ареальных оппозициях, проявляется не только на уровне наименований, оцениваемых как первичные номены, но и среди вторичных для определенного ряда соотносительных лексем наименований. Такая ситуация возникает при условии сильно выраженного мотива номинации, особой семантической маркированности денотата; последнее может обусловить реализацию семантического потенциала одного из репрезентантов, его системных связей по одному из семантических (тематических) регистров, соотносимых с данной лексемой, что в свою очередь детерминирует лексическую аттракцию. Так, на определенном этапе функционирования лексемы ко'за со значением 'последний сног/нескатая полоска посева' (= символ плодородия; ритуальная плата за убираемый урожай и моление о будущем урожае) произошли семантические изменения 'сног - символ плодородия' → 'любой остаток при косьбе' → 'недокос как результат плохой сноровки косаря' → 'недоорк, некачественная пахота'; в дальнейшем через этап актуализации в слове ко'за семьи 'духовой музыкальный инструмент' (изготавливался из шкуры козы) произошла аттракция других наименований музыкальных инструментов, вследствие чего среди репрезентантов сем 'недокос', 'недоорк' оказались лексемы бала'лайка, ба'соўка, му'зика. Таким же образом на базе регулярно выраженного дифференциального признака реалии - наличие рожку у жук Lycanus cervus - возникли не только первичные наименования, производные от рог-/рожк-, но и множество вторичных номенов, которые в функции первичных обозначают домашних и диких рогоносных животных: бик, бу'гак, в'д, ко'рова, тур, ту'риц'я, ко'за, ко'зел, 'сарна, 'олень, лос' (см. карту К 2 и комментарий). Эти лексемы в функции вторичных номенов в результате актуализации семантических,

Карта № 2. Трансформы и субституты: названия рогатого жука
Lucanus cervus.

I. Первичные номены с выраженной мотивационной связью - "тот, который имеет рога": I - жук ро'гатий (+ варианты жук з ро'гами, рого'вий жук); 2 - жук-ро'гач (+ варианты приложений жук-ро'гачик, жук-ро'ган'); 3 - ро'гач (+ варианты однословных производных);

II. Вторичные номены, возникшие на базе мотивационного признака "тот, который имеет рога" и субституты вторичных номенов: 4 - жук-бу'гай; 5 - бу'гай; 6 - дериваты от бу'гай; 7 - ро'гатий; 8 - бу'гай; 9 - бу'лен (+ дериваты); 10 - жук-бик; 11 - бик; 12 - дериваты от бик; 13 - 'божий би'чск; 14 - 'дикий бик; 15 - жук-ко'рова; 16 - ко'рова; 17 - дериваты от коров-; 18 - 'божа ко'роу'ка; 19 - 'дика ко'рова; 20 - жук-'олен' (+ фонетические варианты лексем 'олен'); 21 - 'олен' (+ фонетические варианты); 22 - о(а)'ленка; 23 - жук-о(а)'ленка; 24 - о'лена; 25 - о'лена-зе'лена (> о'ленка-зе'ленка); 26 - 'баба о'ленка (> 'оаба о'лена); 27 - же'л'зна 'баба; 28 - за'л'з'ниц'а; 29 - 'баба ро'гата; 30 - жук-вил; 31 - вил; 32 - 'волик; 33 - жук-'волик; 34 - 'божий вил; 35 - 'рингач; 36 - жук-тур; 37 - тур; 38 - ту'рин'а; 39 - дериваты от тур-; 40 - жук-ко'за; 41 - ко'за; 42 - ко(у)'зел; 43 - ло'ус'; 44 - 'сарна (+ дериваты); 45 - наименования, восходящие к другим мотивационным признакам.

формальноструктурных, ассоциативных связей лексем, свойственных им вне данного номинативного ряда (ведь вторичная номинация не отбрасывает груз прежних системных отношений лексем!) подвергаются дальнейшим изменениям. Поэтому среди репрезентантов семы 'жук *Lucanus cervus*' отмечены весьма отдаленные трансформы и субституты:

жук-'олен' → жук-о'лена (при Олена - антропоним) → о'лена

→ о'лена-зе'лена, о'ленка-зе'ленка

→ 'баба о'ленка, 'баба о'лена

→ 'баба ро'гата   же'л'зна 'баба, за'л'з'ниц'а

(последние наименования уже уходят в сферу народной мифологии, поэзий о полудницах, рванцах - "железных бабах"). Таким образом, базовый

ный мотив номинации, оставаясь для большей части лексем интегральным признаком, в ряде случаев может подвергаться полному или частичному забвению вследствие актуализации новых мотиваторов, новых лексических связей.

Анализ вариативности лексической реализации семемы убеждает в том, что формальные различия ареальных оппозитивов, даже если они внешне существенные и глубокие, далеко не всегда коррелируют с различиями мотивов номинации, семантики; множество внешне отличающихся репрезентантов имеют общую природу, возникли как результат общих тенденций развития диалектной лексики. Таким образом, динамика одних элементов структуры диалектного языка сопряжена со стабильностью других звеньев структуры.

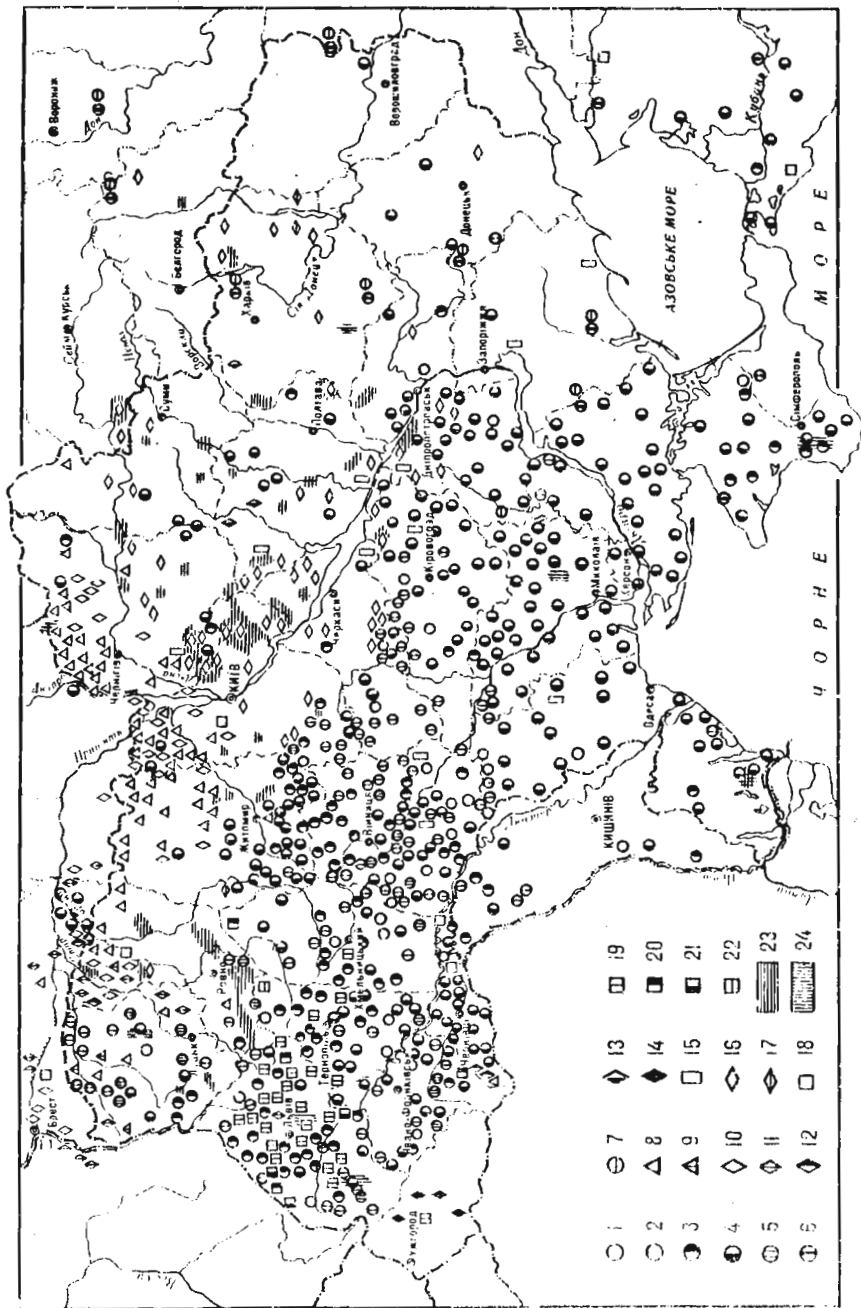
Пятый раздел "Семантическое варьирование слова" посвящен исследованию значения лексем в диалектном континууме, причин и направлений динамики семантики. Отмечено, что в целом семантическая структура диалектного слова еще не стала предметом всестороннего изучения, лингвокартографирования, хотя в области типологии ЦС на уровне семантики разработана методика таких исследований и пролемонстрирован их большой эвристический потенциал (работы Н.И.Толстого). Сдерживающими факторами в развитии диалектной семасиологии продолжают оставаться значительные расхождения в понимании структуры объекта, в истолковании самих терминов, используемых для системного описания лексики и семантики; немаловажную роль играют и априорные оценки семантики диалектного слова как ареалогически почти нерелевантной.

Картографирование значений ряда лексем, осуществленное в работе (май'дан, де'вада, на'митка, п'лахта, тере'бити, пар, с'таца, хо'роми), исследование результатов картографирования семантики в славянских региональных и национальных атласах и монографических изысканиях убеждает в ареалогической ценности семантики, наличии ареалов различной четкости и наполняемости, которые, по нашему мнению, типологически не отличаются от ареалов явлений других структурных уровней. Как и при исследовании результатов картографирования единиц других структурных уровней, изучение семантических карт показало, что выделяются ареалы чистые/относительно чистые и смешанные, компактные и дисперсные, рассеянные. Карты также свидетельствуют о реализации потенциалов семантического развития лексики народных

говоров: часть значений имеет ярко выраженный характер производности, а их единичные фиксации в говорах, отсутствие зачастую даже небольших ареалов – об инновационности таких сем. Так, для лексики тере¹бити отмечено разнонаправленное развитие семантики, которое во многом зависит от моделей дальнейшей динамики синтагм тере¹бити + объект. В различных ЧДС сопоставимыми оказались семы с неодинаковой степенью обобщения/конкретизации, которые в инвариантной наддиалектной модели семантической структуры лексики соотносимы с различными степенями родо-видовой подчиненности. Именно зависимость семантики от устоявшихся в речевой практике синтагматических связей лексики (наряду с динамикой парадигматических отношений лексем) обуславливает открытость, подвижность семантической структуры. Для многих сем лексики тере¹бити отмечены общие семантические множители, позволяющие представить ряд сем в виде семантических субкомплексов: 1) 'отделять семя, зерна растений от стеблей, соломы', 2) 'рубить дерево', 3) 'расчищать землю', 4) 'передвигать что-либо', 5) 'собирать урожай' (см. карту № 3 и комментарий). На базе устойчивого семантического параллелизма моде¹тити 'молотить колосовые', 'кушать с большим аппетитом', мо¹лоти 'молотить зерно на муку' и 'много говорить, говорить вздор' и тере¹бити 'молотить, отделять зерна...' сформировался ряд вторичных значений лексики тере¹бити 'много кушать', 'много говорить; ругать; наговаривать на кого-либо'.

Варьирование значения лексики тере¹бити в украинских диалектах свидетельствует об активности семантической деривации в говорах, сравн.:

- а) 'снимать оболочку с зерен бобовых, лущить стручки' → 'очищать стебли подсолнуха от листьев'
→ 'снимать верхние листья с вилка капустн.'
→ 'снимать скорлупу с яйца'
→ '...с ореха';
- б) 'оббивать зерна конопля, льна' = 'обрабатывать коноплю, лен как этап подготовки к прядению' → 'трепать коноплю'
→ 'дергать, обрабатывать шерсть перед прядением';
- в) 'оббивать зерна конопля, льна' → 'собирать семена свеклы';

Карта № 3. Семантика лексемы тере¹бити (фрагмент).

I. "Отделять семя растений от стеблей, соломы": I - 'очищать зерна от скорлупы'; 2 - '~зерна подоолнуха'; 3 - 'очищать от скорлупы горох, фасоль, бобы'; 4 - 'снимать зерна кукурузы с початков'; 5 - 'вылущивать зерна мака'; 6 - 'снимать со стеблей и очищать зерна конопля'; 7 - '~льна';

II. "Рубить дерево": 8 - 'обрубивать ветки, сучья с деревьев; снимать кору'; 9 - 'рубить дрова; ~ дерево; ~ прутья';

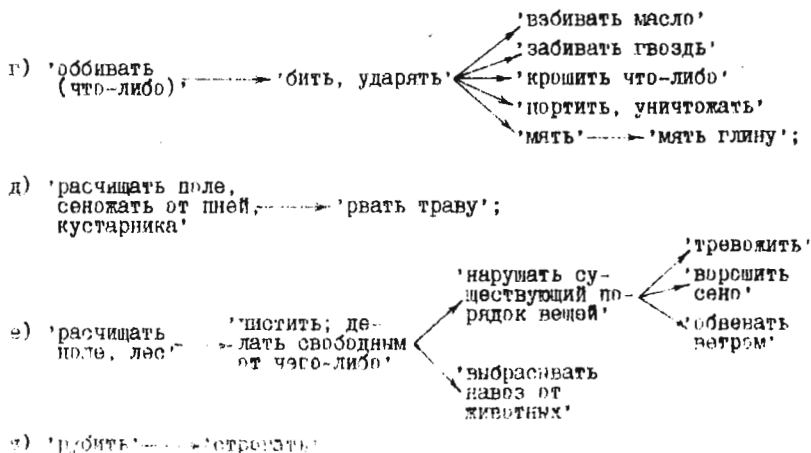
III. "Расчищать землю, готовить к посеву": 10 - 'расчищать поле, сенокать от пней, кустарника; корчевать'; 11 - 'расчищать лес, корчевать лес'; 12 - 'выравнивать поле'; 13 - 'рыхлить, распушивать землю'; 14 - 'разгрести, пертить подготовленное поле, грядку'; 15 - 'мять, крутить';

IV. "Перевытывать что-либо": 16 - 'тяжело нести, двигать что-либо (преимущественно перед собой)'; 17 - 'тянуть что-либо';

V. "Собирать урожай": 18 - 'брать, выбирать лен, коноплю'; 19 - 'собирать картофель'; 20 - 'выбирать огурцы'; 21 - '~ лук'; 22 - 'собирать ягоды';

VI. Отдаленные производные значения: 23 - 'много кушать'; 24 - 'много говорить; ругать; наговаривать на кого-либо'.

Примечание: отмеченные только в I ЧДС значения см. ниже.

Для отдельных значений утрачены промежуточные звенья семантического развития, вследствие чего создается впечатление окказионального характера таких семантических производных, напр.: тере-¹бити ўвік¹но 'смотреть в окно', ўтере¹бити¹ ногу ў бо¹лото 'испачкать ногу грязью'.

Активные процессы, разнонаправленность семантической деривации не нарушают общих тенденций пространственного размещения близких по значению производных, четко очерчиваемых ареалов, см. зоны распространения сем 'обрубывать ветки, сучья с деревьев; снимать кору', 'расчищать поле, сножать от пней, кустарников; корчевать', 'расчищать лес, корчевать деревья', 'тяжело нести, двигать что-либо', 'выбирать картофель' и др. (см. карту № 3).

Таким образом, как и изменения внешней структуры, динамика значений лексики представляет непрерывный процесс; более древние и инновационные семы, базисные и производные значения часто сосуществуют в одной ЧДС.

Среди факторов, влияющих на динамику семантической структуры лексики, доминирующими остаются внутриязыковые: характер парадигматических и синтагматических связей лексем, формы отражения диалектным языком степени актуальности семиотической ценности донотатов. Внешнеязыковые факторы - прежде всего время и пространство - также косвенно отражаются на развитии семантической структуры диалектного слова. В работе приведены результаты наблюдений над динамикой семантики и репертуара лексики восточнополюсского говора Красиловки (Бахмацкий р-н Черниговской обл.) по двум временным срезам - 1877 г. (рукопись неизвестного автора) и собственному полевому записи 1955 г. Отмечается, что из 739 лексем исследованного диалектного словаря вышли из употребления 162 лексемы (20,5 %), трансформировались, подверглись семантическим и частично формальным изменениям 37 (4,7 %), остались без изменений 590 (74,8 %) лексем. Во многих случаях отмечено функционирование наименований реалий, давно вышедших из употребления, что свидетельствует об относительном сохранении диалектами лексики и семантики.

Фактор пространства также играет определенную роль в активизации или сдерживании динамики лексики и семантики диалектов: его действие четко прослеживается при сопоставлении значений лексем в ареалах различных типов: в зоне основного распространения явля-

ния и на периферии зоны, или в стриве от нее, когда лексема функционирует в ареале другой лексемы, напр.: в бойковском говоре среди значений лексемы куйава отмечены комплексы локативных и топографических значений: 'пропасть', 'труднодоступное пастбище', 'безлюдная, отдаленная дорога'; на базе негативных коннотаций этих значений возникли новые семы 'беда, горе', 'что-то плохое', 'старое жилище'; при этом сема 'беда, горе' занимает латеральный микроареал по отношению к базовым значениям, а семы 'что-то плохое', 'старое жилище' отмечены в отдалении от других значений. Латеральный ареал семы или же его отрыв от основного ареала распространения лексемы создают предпосылки для новых семантических изменений.

Таким образом, внутривидовые факторы в тесном взаимодействии с факторами внеязыковыми обуславливают постоянную динамику семантики, противопоставление ЧДС на семантическом уровне. Несмотря на специфику распространения значений (зачастую несплошное, островное), семантика оказывается ареалогически релевантной.

Ш е с т о й раздел "Славянский контекст вариативности украинского диалектного языка" посвящен рассмотрению отдельных вопросов межславянских отношений в области лексики, в частности использования общеславянского диалектного контекста для исследования варьирования формальной и семантической структур лексики украинских народных говоров. В работе подчеркнуто, что проблема современных межславянских диалектных отношений как составная часть более общей проблемы славянского глоттогенеза представляет определенную сложность, так как до сих пор не создана достаточная база сопоставимой информации о славянских диалектных языках; лингвогеографически не репрезентирован ряд зон Славии; остаются в научном обиходе некоторые стереотипы в оценках исторических судеб славянских диалектов, не гашедшие подтверждения в новых исследованиях. Вместе с тем картографирование лексики в пределах славянского континуума (прежде всего в рамках Общеславянского лингвистического атласа), сопоставление данных о географии и структуре лексики в различных диалектных зонах Славии убеждает в наличии многоплановых междиалектных соответствий, устойчивых межэтнональных связей, повторяющихся на различных структурных уровнях.

Для изучения украинского диалектного языка, его генезиса, исторических изменений важны свидетельства о наличии общих для карт

патской и шлезской, прикарпатской и среднеднепровской диалектных зон лексико-семантических явлений. Эти общие/параллельные элементы в структуре диалектов дистантны по сорасположению, не единичны, иногда массовые по репрезентации, причем общность наблюдается не только по данным языка, но и по свидетельствам материальной и духовной культур. С другой стороны, для исследования диалектогенеза важны свидетельства о характере связей отдельных диалектных зон украинского языка с инославянскими. В работе рассматриваются новые лексические данные, корреспондирующие связи различных украинских диалектов с севернорусскими, северо-западнорусскими, северо-западнобелорусскими диалектами, общие для украинских и польских северных, северо-западных, западнословацких, нижне- и верхнелужицких, словенских, сербскохорватских, македонских, болгарских говоров. Приведенный в работе материал расширяет существующие представления о репертуаре, характере украинско-инославянских лексико-семантических связей. Если ранее изучение этих связей концентрировалось преимущественно вокруг украинско-инославянского пограничья, то в данном исследовании внимание сосредоточено прежде всего на общих для дистантных зон явлениях. Последнее дополняет существующую информацию о дистантных и поясных связях отдаленных зон Славии (см. работы М.Гавалци, Н.Толстого, К.Гутшильда, О.Трубачева, В.Нимчука, Л.Куркиной, Г.Клепиковой, Е.Русека, Г.Цихуна и др.). При этом проводится мысль о несопоставимом эвристическом потенциале данных об общих явлениях в контактных и дистантных зонах, их различной природе и временной отнесенности.

В реферируемой работе рассмотрены лексико-семантические связи и соответствия внутри восточнославянского континуума, а также украинско-западнославянские и украинско-южнославянские связи и параллели. При изучении общих явлений в славянских диалектах особое внимание уделено лингвогеографическим свидетельствам, подчеркнута значимость точной фиксации семантической и формальной структур лексем. Отмечено, что многие явления, ранее оценивавшиеся как локализмы, получают новое истолкование благодаря рассмотрению их в общеславянском контексте, напр.: древнерусский юго-западный локализм прабош-ни, очевидно, 'босоножки', для которого не отрицалось наличие близких образований в псков., новгород., твер. говорах, на общеславянском фоне может рассматриваться как явление общеславянское, имеющее

надежные соответствия не только в украинских волынском и поднестровском говорах, но и в великопольском, кашубском, болгарском родопском диалектах; балканизм сини́я, сини́ 'низкий деревянный переносной столик', 'поднос' имеет соответствие в украинском восточно-полесском диалекте, где отмечены локализмы си́'ни́я 'жаровня', 'металлическая основа воскоотпки'.

Массовость украинско-инославянских лексико-семантических связей указывает на закономерный характер их возникновения, что позволяет рассматривать близкие по структуре и значению образования в дистантных диалектных зонах как элементы единого процесса, надежнее объяснять результаты динамики формальной и семантической структур украинского языка путем их "прочтения" в общеславянском контексте.

В в и в о д а х синтезированы наблюдения над географией диалектной лексики, варьированием ее внешней формы и значения, над воздействием различных факторов на динамику диалектного слова.

Отмечено, что традиционная оценка лексических и семантических ареалов как мозаических, ареалогически малоинформативных не находит подтверждения: лингвистические карты свидетельствуют о наличии лексических и семантических ареалов различной степени четкости. Исследование формирования лексической дифференциации, ареального консорданса лексем и их значений убеждает в обусловленности, а не произвольности их пространственных характеристик; последнее в различной степени свойственно всем структурным уровням диалектного языка. В отмечаемой градации ареалогической ценности единиц различных структурных уровней просматриваются не столько отличительные особенности их географического распределения, сколько традиции их познания.

Новое видение географии лексики и семантики в значительной степени обусловлено учетом тех активных процессов, которые в итоге формируют диалектную дифференциацию.

Определение типов диалектных отличий как форма и содержания анализа диалектной лексики уступает место исследованию причин формирования репертуара ареальных оппозиций, закономерностей их динамики, тенденций пространственного распределения. Это в свою очередь актуализирует внимание к явлениям, стабильным в лингвистическом пространстве, к механизмам сохранения диалектом/языком относитель-

ной устойчивости. В ЧДС действуют механизмы, регулирующие динамику структуры диалекта, вследствие чего те явления, которые утратили свою актуальность, длительное время могут сохраняться в диалекте; одновременно при отсутствии ощутимых импульсов и фиксируемых причин наблюдается динамика формальной структуры, семантики, функциональных особенностей элементов диалектного языка.

Исследования показывают, что динамика диалектного слова лишена хаотичности; на первый взгляд окказиональные изменения, отразившиеся в слове, при тщательном анализе оказываются результатами более общих изменений, имеют аналоги, повторяются в других диалектах (зачастую отдаленных) украинского языка или в иных славянских диалектных зонах.

Варьирование лексики осуществляется в отдельной ЧДС, зависит от ее структурных особенностей и ближайшего диалектного окружения. Эти изменения по своему характеру полинаправленны, зачастую являются следствием наложения различных факторов динамики. Ни одно из изменений нельзя считать ни конечным для диалектного языка, ни автономным: одно изменение влечет за собой другое/другие; динамика формальной структуры отражается на структуре значения, равно как и существенные изменения семантики обуславливают появление новых элементов внешней структуры слова. Изменения различных сторон слова как языкового знака, будучи взаимосвязанными, все же не изоморфны как в плане последовательности этапов динамики, так и в плане жесткого детерминизма: не всякая трансформация способна разрушить формально-семантическое равновесие слова; часто всего такое равновесие нарушают те изменения, которые в значительной степени дифференцируют исходное и вторичное/вторичные состояния.

Качественные изменения формальной структуры слова способствуют разрушению старых и установлению новых мотивационных связей, что свидетельствует о появлении нового слова, а не лексико-семантического варианта слова; последующие этапы изменений могут включать субституирование лексем на основе новых мотивационных отношений и аттракцию других элементов нового лексико-семантического ряда, в который входит лексема-субститут. Большинство формальных изменений лексем не приводит к полному забвению связей с исходным (для данного этапа развития) мотивационным комплексом и установлению новых мотивационных отношений; значительный слой образует трансформы с

деактуализированными, угасающими мотивационными связями.

В структуре диалектного слова отражаются акцентуационные, фонемные, морфемные изменения; их глубина и влияние на дальнейшую судьбу слова зависят от рельефности, типичности/нетипичности для конкретной ЧДС этих изменений. Релевантной для динамики формальной и семантической структур слова является общая семантическая относительность лексемы (чаще и более глубоким изменениям подвержена семантически коннотированная, эмоционально-оценочная лексика), глубина межлексемных связей на формальном, семантическом, ассоциативном уровнях.

Репертуар типов изменений диалектного слова принципиально конечен, но комбинаторика типов бесконечна.

Набор возможных фонемных/звуковых изменений слова в украинских диалектах очень широкий; множество так называемых нетипичных субституций имеет надежные соответствия в различных славянских диалектах, что позволяет оценивать их как закономерные, одновременно готовит почву к новому видению междиалектных отношений в прошлом, структуры и диалектной дифференциации праславянского языка.

Звуковые изменения глубже, нежели акцентные и часть морфемных, влияют на внешнюю структуру слова.

Типология ареалов различных звуковых изменений, сопоставление их репертуаров убеждают в наличии взаимосвязи и взаимодетерминизма разнонаправленных изменений, зеркальности многих из них (появление протетических: утрата соответствующих этимологических звуков начала слова; появление неэтимологических вставных: выпадение этимологических в той же позиции и др.).

Результатом динамики формальной структуры диалектного слова может быть появление: а) вариантов слов; б) новых слов, сохраняющих признаки гомогенности; в) новых слов-субститутов, которые формально гетерогенны с субституированной лексемой, хотя их возникновение произошло вследствие формальных преобразований субституированной лексемы. Разновидностью лексического субституирования является замещение одной лексемы другой в пределах лексико-семантического ряда, а также появление эвфемизмов.

Формальное и/или семантическое варьирование лексемы в пределах ЧДС обуславливает изменения отношений между ареальными оппонентами, их динамику.

Надежным индикатором при определении направлений, интенсивности варьирования украинской диалектной лексики является славянский контекст, свидетельства не только контактных, но и дистантных славянских зон, позволяющие разграничить типичные и окказиональные, архаичные и инновационные изменения.

Исследование формальной и семантической структур диалектной лексики в аспекте их динамики переводит статичные ареальные противопоставления, репертуар соответственных диалектных явлений в вариативные динамичные модели, способствует более полной реализации эвристического потенциала картографирования, лингвистической географии в целом.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Моделирование системы диалектной лексики. - Киев: Наук. думка, 1984. - 227 с. (на укр. яз.).

Рец.: Лизанец П.Н. // Мовознавство. - 1985. - № 5;

Ижакевич Г.П. // Филологические науки. - 1986. - № 3;

Козачук А.А. // Українська мова і література в школі. - 1986. - № 10;

Мокиенко В.М. // Slavia. - 1987. - n. 56. - С. 2.

Реф.: Морозова С.Е. // РЖ. Языкознание. - 1985. - № 3.

2. Ареальное варьирование лексики. - Киев: Наук. думка, 1990. - 272 с. (на укр. яз.).

Рец.: Козачук А.А. // Мовознавство. - 1990. - № 5.

3. Генезис лексики украинских западнестепных говоров // Структура і функціонування мови. - Киев: Наук. думка, 1982. - С. 61-66 (на укр. яз.).

4. К вопросу об ареальном аспекте исследования лексико-семантической системы // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. - Киев: Наук. думка, 1983. - С. 163-167 (на укр. яз.).

5. Исследование лексики украинских говоров // Мовознавство. - 1984. - № 5. - С. 22-30 (на укр. яз.).

6. Диалектная лексика с конкретным значением // Структурні рівні українських говорів. - Киев: Наук. думка, 1985. - С. 91-120 (на укр. яз.).

7. Язык как аккумулятор культуры и одна из форм выражения культуры // Мова і культура. - Київ: Наук. думка, 1986. - С. 86-90 (на укр. яз.).

Рец.: Карпенко Ю.А. // Українська мова і література в школі. - 1988. - № 1.

8. Лексическая система говоров и картографирование // Українська діалектна лексика. - Київ: Наук. думка, 1987. - С. 10-20 (на укр. яз.).

9. Из украинско-севернорусских параллелей. I. // Л.А.Булаховский и современное языкознание. - Киев: Наук. думка, 1987. - С. 251-260 (на укр. яз.).

Рец.: Карпенко Ю.А. Продолжение дела выдающегося советского лингвиста // Вісник Академії наук Української РСР. - 1988. - № 5.

10. Из украинско-севернорусских параллелей. II. // Севернорусские говоры. Вып. 5. - Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. - С. 172-181.

11. Болгарские лексические элементы в украинских говорах // Болгарсько-українські культурні взаємини (XX ст.). - Київ: Наук. думка, 1988. - С. 55-72 (на укр. яз.).

Рец.: Панько Т.И. // Вісник Академії наук Української РСР. - 1989. - № 2.

12. Украинско-инославянские лексико-семантические межзональные связи // Слов'янське мовознавство. Доповіді до X Міжнародного з'їзду славістів. - Київ: Наук. думка, 1988. - С. 101-124 (на укр. яз.; соавтор П.А.Стоянов).

13. Семантика и лингвогеография // Slavica Orientalis. - 1990. - n. XXXIX.

14. Общее и специфическое в лексике русского и украинского литературных языков как результат диалектно-литературного взаимодействия // Сопоставительное исследование русского и украинского литературных языков. Лексика и фразеология. - Киев: Наук. думка, 1990. - С. 189-207.

15. Семантическая аттракция как фактор развития лексико-семантической системы говоров // Лексика української мови в її взаємозв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. - Тез. докл. - Ужгород, 1982. - С. 76-79 (на укр. яз.).

16. Этнолингвистический аспект реконструкции праславянской лексики // Полесье и этногенез славян. Предварит. материалы и тез. конф. - М.: Наука, 1983. - С. 76-77.

17. Тенденции развития диалектной лексики как объект лингвогеографии // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка: Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия и история языка. - Тез. докл. - М.: Наука, 1984. - Т. 2. - С. 138-139.

18. К вопросу о соотносительных восточнославянских диалектных зонах // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур и фольклора и методы их изучения. - Тез. докл. - Гомель: Изд-во Гомельск. ун-та, 1985. - Ч. 2. - С. 112-114.

19. Чистые родники языка // Культура слова. - Киев: Наук. думка, 1983. - Вып. 25. - С. 32-38 (на укр. яз.).

20. Лексика украинских народных говоров в контексте межславянских связей // IX Республіканська славістична нарада. - Тез. докл. - Одесса, 1987. - С. 90-91 (на укр. яз.).

21. К истокам отечественной лингвогеографии // Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры. - Тез. докл. - Л.: Наука, 1988. - С. 39-41.

22. Формальная трансформация слова как основа лексической дифференциации говоров // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. - Тез. докл. - Днепрпетровск, 1988. - Ч. 2. - С. 170-171.

23. Внутряязыковые факторы варьирования лексики говоров // Науково-технічна революція і сучасні процеси розвитку української народнорозмовної лексики. - Ужгород, 1989. - С. 46-48 (на укр. яз.).

24. Континуация в лингвогеографии // Закономерности языковой эволюции. - Тез. докл. - Рига, 1990. - С. 4-6.

25. К проблеме общеславянского контекста варьирования украинского диалектного языка // Славяне: адзінаства і многастаянасць. 2. Этногенез славян. - Тез. докл. - Минск, 1990. - С. 17-19.

Подписано в печать 1990 г. Формат 80x84 1/16
Усл. печ. л. 5,50 Уч. изд. л.
Гираж 100. Заказ 768 1990 г. Бесплатно
Полиграф.уч-к Ин-та истории АНУССР
Киев-1, Кирова, 4